

Марина Клейн

ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ

ТАМ, ГДЕ ОНИ — БЫТЬ БЕДЕ...

Марина Клейн

Чёрные люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72529960

SelfPub; 2025

Аннотация

1908 год. Неподалеку от сибирской фактории появляются таинственные Черные люди – вестники страшной беды. Алана знает о запрете шамана приближаться к незванным гостям, но невольно нарушает его, и это становится началом кошмара.

Надя не рада путешествию в далекую Сибирь. Ее терзают муки совести, еще в пути она замечает ужасного преследователя. Кто он? Демон? Дух? Страшное сновидение?

И у Аланы, и у Нади есть свои тайны, которые нельзя открывать. Но когда девушки встретятся, иного выбора не будет. Им придется столкнуться с тьмой – той, что издревле живет в тайге, и той, что затаилась в их собственных душах.

Содержание

1	4
2	8
3	12
4	17
5	22
6	34
7	38
8	44
9	49
10	54
11	64
12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Марина Клейн

Чёрные люди

1

Впервые Алана услышала о Черных людях у вечернего костра, за четыре месяца до исчезновения Гани.

Ее отца Гевана позвал на сбор дядя Ваня – один из русских, что жили в биките, или, как говорили сами русские, в фактории. Алана тогда сидела дома и расшивала бусинками руковицу из оленьей кожи. Дядя Ваня тяжело потоптался на пороге, отряхивая с валенок снег, затем просунул в дверной проем раскрасневшееся на морозе лицо и сказал:

– Семен вернулся с охоты. Похоже, случилось что-то. Пойдем послушаем, что ваш Улгэн скажет.

Было поздно, Ганя уже спал, мать осталась с ним, а Алана напросилась пойти с отцом.

На окраине, у чума Улгэна, собрались человек пятнадцать – охотники, их жены и только трое русских: Александр Васильевич, самый важный в фактории человек, дядя Ваня и его смешливый сын Димка. Сейчас он, правда, не смеялся – прочувствовал общую тревогу.

Семен тоже был здесь. С виду здоровый, но на лицо мрачный.

– Слушайте, – начал Улгэн. – Пришли Черные люди. Семен мне сказал, а я спросил у духов. Все так.

Охотники взволнованно запереглядывались. Улгэн был шаманом, и если он передавал предостережение из мира духов – значит, дело серьезное.

– Это кто такие? – спросил Александр Васильевич.

– Те, к кому не следует подходить, – Улгэн сильно хмурился. – Всегда, как они приходят, случается беда.

– Может, нам тогда уйти? – спросил один из охотников, прозванный по-русски Ильей.

– Пока не нужно. Они в тайге. – Улгэн взял сухую ветку, предназначенную для костра, разломал ее на несколько частей и выложил ими на снегу небольшую карту. – Вот наши пути. В эту сторону не ходите. Они там. Выйдут к вам – не разговаривайте с ними, не слушайте. Сразу уходите.

– Они совсем-совсем черные? – Димка посмотрел на шамана насмешливо, с недоверием.

– Совсем, – подтвердил Улгэн. – Как уголь.

– А какая, – спросила Алана, – была беда от этих людей? Улгэн обвел взглядом всех собравшихся и рассказал:

– Много кто о них слышал, однако говорить не любят. Я знаю о них от своего деда, а тот узнал от своего. Рассказывали, жили наши предки на благодатной земле – теплее там было, и дичь сама в руки шла. Но явились Черные люди. Поселились неподалеку, никому вреда так-то не причиняли: просто жили, и все. Спросили их, зачем они явились. Черные

люди в ответ сказали, что они – вестники, и что быть большой беде, и иначе нельзя. Им не поверили. Но спустя короткое время разверзлась земля, и многие отдали свои души. Понеслись слухи, что опасны Черные люди – и, возможно, не люди они вовсе. Спустя несколько десятилетий пришли они снова. Их пытались прогнать прочь, но ничего не вышло. Кто пытался – погиб. А потом налетел ураган. Селение разрушилось.

Алане стало жутко, внутри словно льдины поплыли. Что за люди такие?

– Пока все нормально, – ободрил Улгэн. – Только не ходите туда. Не говорите с ними. А мы подумаем, как нам быть.

Утром Алана передала все Гане. Младший брат чуточку испугался, тем и кончилось. Жители еще немного посудачили и смирились. Запретное место обходили стороной. Время от времени кто-нибудь из охотников говорил, что видел Черных людей издали. Никто не знал толком, как они выживают в тайге, и не хотел знать. Геван говорил, что всем свойственно закрывать глаза: не смотришь на неприятность – и живешь так, словно ее и на свете нет.

– Правда, – добавлял он, – на самом-то деле неприятность не исчезает.

И, действительно, Черные люди никуда не исчезли. Уже когда сошел снег, Алана встретила одного из них.

А потом пропал Ганя. Было это точно перед происшествием в лесу.

Впрочем, до той поры случилось еще несколько странных вещей.

2

Надя разложила на кровати несколько платьев, осторожно расправила длинные юбки и украшенные кружевом рукава. Выбрать самый красивый наряд было непросто, каждый выделялся какой-нибудь диковинкой – тут искусная вышивка бисером, там кусок дорогого и редкого шелка, вшитый точно по центру лифа. Любая девушка все бы отдала за такое богатство.

– Уму непостижимо, сколько одежды может быть у одного человека, – сказала Надя вслух, сама не зная, зачем. Подумала и добавила: – Зачем мне столько?

Зачем... столько...

Легкая дрожь пробежала по телу. Как будто эхо, но откуда ему здесь быть?

Надя взяла платье со вставкой из шелка, стянула через голову просторную рубашку, в которой любила бегать с розгой за местными мальчишками, пока Каролина не видит, и надела на себя роскошный наряд. Платье немного помялось в сундуке, но все равно выглядело отлично. Треугольник шелка – что кусочек моря, синий-синий, уводящий в самую глубь.

Одной рукой Надя перехватила сзади светло-русые волосы, скрутила их жгутом и прижала к макушке, другой потянулась к открытой шкатулке у зеркала. Заколка в виде

изумрудной бабочки с распростертыми крыльями пришлось очень кстати.

– Хоть сейчас на императорский бал, – сказала Надя, любясь своим отражением.

Зачем-то она прислушалась, хотя отвечать в пустой комнате было некому.

Оставались еще всякие мелочи: подобрать обувь, украшения. Надя порылась в шкатулке. Нашла любимый браслет – простое серебряное полукружье, утолщенное в центре, тонкое по краям; он запал ей в душу с первого взгляда. А Эстер здорово подогрела эти чувства, рассказав историю:

– На самом деле это полумесяц, самый настоящий. Случилось это в Сибири... Он упал с неба, а Аюр увидел это и пошел его искать. Долго бродил по тайге, наконец увидел месяц в рогах у оленя. Гнал за этим оленем несколько дней и ночей, пока не удалось ему выстрелить... Олень упал, и Аюр достал из его рогов полумесяц. Только не знал, как теперь вернуть его на небо.

Надя тогда была сильно младше, но все равно не поверила и сказала:

– Его же тебе на ярмарке купили. Этот браслет. Я точно знаю, сама его там видела.

Эстер и глазом не моргнула:

– Конечно, на ярмарке. Потому что Аюр продал полумесяц, когда впервые сюда приехал. Ему деньги были нужны, а что делать с полумесяцем, он все равно не знал.

– Месяц большой, – неуверенно ответила Надя.

– Это тот, который нам видно, большой. А остальные маленькие. Не думаешь же ты, что на небе всего один месяц! Остальных просто не видно.

Эстер рассказывала это еще не раз. Надя сама просила – умом понимала, что выдумка, но красивая же. Правда, чем дальше, тем больше Эстер говорила не о браслете, а об Аюре. Последний раз он приезжал совсем недавно и совершенно вскружил ей голову.

Надя надела браслет и снова глянула в зеркало. Серебряная полоса поверх рукава темного платья смотрелась красиво и загадочно – словно бы и впрямь полумесяц посреди ночного неба.

Через прикрытую штору в комнату пробрался луч заходящего солнца. На Надю накатило странное оцепенение. Она, как зачарованная, смотрела на блеск браслета и никак не могла оторвать от него взгляд, даже когда открылась дверь и раздался громкий крик.

– Господи, господи! – это уже было скорее не крик, а стон. – Что же ты творишь, Надька?!

Надя очнулась и рывком сорвала с себя платье. Браслет звонко упал на пол. Она подхватила его вместе со своей одеждой и бросилась к окну. Уже стоя одной ногой на подоконнике, накинула на себя рубашку, распахнула створки и спрыгнула вниз. Спустя полминуты она уже была среди цветущих яблонь, надежно укрытая от внешнего мира.

Дыхание сбилось. Рука сжимала браслет. Зря, конечно, она забрала его с собой – и без того проблем не оберешься.

Надя рассеянно покрутила украшение в руках. По его обратной стороне вилась выгравированная надпись: «Эстер».

3

Ближе к ночи приехал отец. В любое другое время Надя была бы очень рада, но не теперь: пришлось морально готовиться к обороне. Она подождала немного в своей комнате, где ей велела сидеть Каролина после вечернего скандала, слышала через приоткрытое окно голоса и выглянула наружу. Несмотря на поздний час, пришла Тамара Назаровна – мать Эстер. Плечи ее были опущены, но волосы не растрепанны, а, как в былые времена, уложены в аккуратную прическу. Эта мелочь больно задела Надю.

Стукнула дверь, на первом этаже громко зазвенели кружки и блюда, будто обрадовались, что их потревожили в неурочное время. Надя вышла из комнаты, прокралась к лестнице и перегнулась через перила.

– Это просто невысказано, Павел Павлович, – донесся из столовой измученный голос Каролины. – Она пробралась в дом, полезла в вещи Эстер... Надела ее платье... Так и до сердечного приступа можно довести, не говоря уже о... Ах, госпожа Тамара, мне так жаль. Моя вина... Не досмотрела...

Надя внутренне сжалась – от стыда. «Уж лучше бы в подробностях рассказала, какая твоя воспитанница сумасбродная и непослушная девчонка, – мысленно высказала она Каролине. – Мне, значит, регулярно на уши льешь, а как другим, так в кусты?»

– Не стоит, Каролиночка, – сказала Тамара Назаровна на удивление спокойно. – Я и правда, когда увидела... – она сделала паузу и несколько раз глубоко вздохнула. – Но не стоило мне поднимать шум. Девочка по-своему переживает... это все. Четырнадцать лет всего. Ребенок еще.

– Совсем не ребенок, – возразила Каролина. – В четырнадцать лет уже должно быть много мозгов.

Надя едва сдержала фыркание. Каролина, когда злилась или волновалась, говорила по-русски просто неподражаемо.

– Вещи Эстер увезут. Все равно они здесь больше не нужны... Надеюсь, тем и кончится.

– Вы не спешите этим заниматься, – проговорил отец своим густым голосом. – Я завтра уезжаю, Надьку заберу с собой. Я и так подумывал, но теперь решил твердо.

– Но я вовсе не хотела...

– Не переживайте. Думаю, так будет лучше для всех. А если вам, Тамара Назаровна, что нужно – обращайтесь смело. Я вам оставлю адрес своего поверенного, пишите ему, ежели чего.

Надя на неверных ногах вернулась в комнату и бессильно упала в кресло. «Если вам что нужно...» Решил возместить ущерб. Господи, как стыдно. Не стоило забираться в дом. Куда он теперь собрался ее увезти? В Москву? Но она так привыкла летом быть здесь, вдали от шумного города и светских приемов, куда ее иногда приглашали стараниями мадам Роже – близкой знакомой отца. Уезжать не хотелось.

Это Эстер наверняка бы обрадовалась. Она любила наряжаться, выходить в свет и потом взахлеб рассказывать, что увидела и услышала. Наде же куда больше нравилось носиться по здешним полям. Так, чтобы ветер бил по разгоряченным щекам, по рукам хлестали остренькие колосья, под босыми ногами – прогретая солнцем земля. Узнай Каролина об этих гонках – упала бы в обморок.

Раздался стук в дверь.

– Войдите, – буркнула Надя.

Встретив укоряющий взгляд отца, она неожиданно для себя шмыгнула носом. Почему-то вдруг захотелось плакать.

– Мы завтра уезжаем, – сказал Пал Палыч. – Собери вещи.

Поедем сразу после обеда.

– Куда поедем?

– В Сибирь.

Надя остолбенела. Даже выбраться из кресла не смогла. Она знала, что отец ведет дела с сибиряками, но первая мысль была дурацкой и пугающей.

Сибирь. Туда, куда ссылают преступников. Но кто отправляет в ссылку за примерку чужого платья? Или...

Онемевшими пальцами Надя сжала серебряный полумесяц, припрятанный за расшитой накидкой кресла. Кража.

Пал Палыч ясно увидел ее испуг и криво улыбнулся. Наде враз стало спокойнее.

– Антон давно зовет навестить. Сейчас – самое время. Не хочу, чтобы ты тут одна оставалась.

Эти слова прозвучали странно. Как будто дело было не только в сегодняшнем скандале.

– Ну... Ладно. А Каролина?

– Думает пока. Как решит.

Пал Палыч кивнул ей и вышел из комнаты.

В голове все смешалось. Надя забыла спросить, насколько там холодно и как быть с одеждой. С перепугу ей показалось, что Сибирь – это что-то вроде Северного полюса, где царит вечный мрак и холод, снег лежит и летом, а по скованным льдом морям бродят белые медведи. Только спустя четверть часа мысли прояснились, и вспомнилось: Аюр рассказывал про реки и озера, про лесные ягоды. Он привозил с собой оленьи и беличьи шкуры, один раз и медвежью, но она была бурой, а не белой. Значит, все не так плохо. Да и дядя Антон, брат отца, давно туда наведывается, выглядит при этом вполне живым и довольным.

Забавно, подумала Надя, когда к ней это все не относилось, Сибирь казалась приключением, в чем-то даже романтическим – не зря Эстер была так очарована Аюром, выйти замуж за которого ей бы не позволил никто и никогда. Зато стоило далекому краю замаячить так близко, и сразу появились страх и тревожные думы о каторге.

Совсем успокоившись, Надя покидала в кресло несколько своих вещей, которые ей показались необходимыми, отложила оставшиеся сборы на утро и забралась в постель. Под одеялом мысли вернулись к беседе внизу и взгляду отца,

полному укора.

Почему он не спросил, зачем она это сделала? Почему никто не спросил? Ей так хотелось услышать этот вопрос, словно, прозвучи он, ответ появился бы сам собой.

Правда в том, что Надя не знала, и ее это пугало. Она подошла к порогу соседнего дома по привычке. За окном комнаты Эстер померещился силуэт. В ушах зазвенело. Дальше все получилось само собой: миг, и она уже в комнате. Ей слышался шепот Эстер. Это не пугало, а забавляло – таким все казалось нелепым.

Достань из сундука платья. Это твои платья.

Надя так и сделала. Она говорила себе, что это весело. Способ посмеяться над Эстер. Показать ей и себе, насколько она была нелепа в этих своих платьях.

Но на самом деле Надя не знала, зачем.

Действительно не знала.

4

Надя понимала, что Сибирь находится далеко, но чтобы настолько? Такие расстояния ей не представлялись даже когда она читала об Америке и Австралии.

Сначала они отправились в Москву. Визитов не делали, только прикупили кое-что в обувном и магазине готового платья. К удивлению Нади, вещи Пал Палыч велел выбирать не особенно теплые, не зимние. Оказалось, что там, куда они едут, лето вполне обыкновенное, а вот зимой холодно.

– Снега много и морозно, – объяснил Пал Палыч уже в поезде. – Но не так, чтобы слишком. Жить можно. В некоторых частях Сибири гораздо холоднее. И если дело дойдет до зимы, покупать одежду надо там, здешняя – ерунда.

Каролина слушала его напряженно. Ее ухоженные белые руки с музыкальными пальцами то и дело норовили сжаться в кулаки.

Решение отправиться в Сибирь далось Каролине нелегко, но вот так просто уйти из семьи она не могла. Семь лет она прожила с ними, обучая Надю своему родному немецкому и подтягивая ее безбожно плохой французский, и заодно рассказывая обо всем, что знала – а знала она немало, в том числе и то, что, как шутил Пал Палыч, Наде учить было совсем не обязательно. Временами сумасбродная подопечная с несколько мальчишескими повадками выбивала Каролину

из колеи, но все равно они с Надей хорошо ладили. Да и платили сносно.

Пал Палыч заверил, что поездка в Сибирь недолгая, бояться нечего – ей, как и Наде, поначалу пришли в голову страшные рассказы о каторжниках и женах декабристов. И еще он пообещал, что если Каролине придется тяжело, она сможет уехать. «Может быть, не сразу, – предупредил Пал Палыч. – Места там суровые, добираться трудно. Но я непременно все организую».

Его откровенность подкупила Каролину, и она решилась, хотя ей по-прежнему было не по себе.

В поезде ехали долго – считая дни, Надя сбивалась, тем более что от постоянного покачивания ее то и дело клонило в сон. Она старалась выскакивать на улицу на каждой станции. Там можно было купить что-нибудь вкусное – калач или кулек ягод, но, что куда ценнее, размять ноги и подышать свежим воздухом. Иногда удавалось ухватить газету. Пал Палыч предпочитал, чтобы Надя читала книги, а не «эту муру», но в поезде ничего не стоило дожидаться, когда он задремлет, и забрать свежее чтиво. Каролина, вопреки обыкновению, не обращала внимания – тоже дремала или смотрела с отрешенным видом в окно, словно они ехали в один конец. Но и газеты ненадолго скрашивали осточертевшее перестукивание колес – в них, как правило, не было ничего интересного. Разве что попадались занятные шарады.

Пейзаж за окнами постепенно менялся. Леса становились

сначала голенькими – здесь деревья еще не вполне очнулись от спячки, – потом – колючими; зеленые долины – мрачнее, небо с каждым часом как будто серело. Время от времени – так сложно было поверить глазам! – мелькали снежные полянки. Стало заметно прохладнее, особенно ночами – приходилось кутаться в шерстяные покрывала.

В одну из таких прохладных ночей Надя долго не могла уснуть. Стук колес убаюкивал и вгонял в подобие транса, но как следует провалиться в сон не получалось. Она то видела кусочек сновидения – берег заросшего озера в сочном зеленом лесу, – то снова оказывалась в поезде.

Вставай.

Голос буквально заговорил в ухе, так резко, что Надя вздрогнула и мигом вырвалась из дремы. Краешком ума она попыталась ухватить остаток сновидения – кто именно сказал «вставай»? – но безуспешно.

Поезд стоял. Сердце в груди почему-то забухало тяжело, через силу.

«Какая-то станция», – сказала себе Надя, отодвинула занавеску и выглянула в окно.

На улице царил темная ночь, однако до вагона долетал отсвет фонаря. В его бледной призрачной дымке, выплывающей откуда-то справа, можно было разглядеть плотные еловые заросли и небольшую прогалину перед ними.

Тишина стояла мертвая. Надя уже хотела задернуть занавеску, как вдруг уловила движение. Что-то двигалось по про-

галине к деревьям. Животное? Оно шло странно, крадучись. Полусогнутые ноги, делающие осторожные шаги, напоминали человеческие. Надя не хотела смотреть, ей было страшно, но она не могла оторвать глаз от окна. Как недавно не могла отвести их от серебряного браслета.

Скользнул луч света – видимо, осветили из окна поезда. Он упал прямо на мутную фигуру.

В груди у Нади сразу зародился крик, но он застрял в горле, и наружу просочился тоненький и слабый звук.

Это был человек, абсолютно голый. Он шел, сгорбившись в три погибели.

Голова у него была воронья. Большая черная голова с острым клювом и огромным круглым глазом.

Луч исчез. Надя задернула занавеску, прижала руки к груди и задышала быстро-быстро. Хотелось молиться, но не получалось. Первобытный ужас сковал и разум, и тело.

Надя сидела, зажмурившись, пока поезд наконец не поехал. Лишь через четверть часа напряжение начало отпускать ее, она открыла глаза и перевела дух.

«Я заснула, – сказала себе Надя. – Это приснилось. Или пригрезилось».

Сном она забылась только под утро. Когда небо уже начало питаться лениво выползающим солнцем и превратилось из черного в грязно-серое, из неверной дремы ее вырвал слабый стук в окно.

Надя толком не проснулась и машинально отдернула за-

навеску.

Прямо на нее смотрела огромная воронья голова.

5

Надя была такой усталой и не выспавшейся, что когда им подали завтрак и Пал Палыч спросил, как она себя чувствует, выдать осмысленный ответ у нее не получилось. Страх не ушел, но тяжелая ночь и раннее утро, проведенные в зыбком полусне, сильно притупили все чувства.

За окном уже расстелилась сплошная тайга – густой лес, полный колючих кустов и деревьев, похожий на сплошную, неприступную стену.

Надя терзалась – спросить или не спросить о человеке-вороне? Ей не приснилось, она была уверена. Может, какой-то раз, но точно не дважды. Вдруг в далеких сибирских краях это нечто если и не совсем обычное, то вполне объяснимое? Нелепый безумец, сбежавший с маскарада. Непонятный обычай. Пьяная забава. Мало ли?

– В Сибири живет кто-нибудь... Необычный? – наконец решилась Надя.

Пал Палыч размешивал в стакане с чаем варенье из жимолости, купленное вчера на станции. Вагон слегка трянуло, ложечка звонко стукнулась о толстое стекло.

– Ты это о чем?.. Ну, россомаха. Достаточно необычная?

– Да нет. Из людей. Не людей, – запуталась Надя. – Я имею в виду, как псоглавцы. Или блеммии.

Пал Палыч поперхнулся чаем. Про блеммий он ничего не

знал, зато с поглавцами все было понятно.

– Каролина, это ваша работа? – в густом голосе зазвучали строгие нотки.

Каролина посмотрела на Надю укоризненно.

– Мы говорили об этом, когда изучали историю.

– Да, я знаю, что это считается выдумками и заблуждениями, – нетерпеливо проговорила Надя. – Но...

– Слава Богу! – перебил отец. – А бле... Прости Господи, это что такое?

Надя с готовностью объяснила:

– Блеммии – это такие существа, у них не было головы, а лицо находилось на груди. Раньше считали, что они живут в Африке.

Пал Палыч хрюкнул от смеха и с трудом выговорил:

– Господи Иисусе.

Надя терпеливо ждала и не без труда держала язык за зубами. Ей и сейчас казалось, что это не выдумки. Точнее, не совсем выдумки. Каролина рассказывала, что о таких существах писали во многих старинных книгах. Подобные убеждения на ровном месте не появляются. Никто полностью не исследовал Африку, так откуда людям знать?

Но сейчас это было неважно. К тому же, отцу все равно ничего не докажешь.

– Мне просто интересно, – снова начала Надя, – есть ли здесь что-нибудь необычное.

– Сказочных историй тут пруд пруди, – проворчал Пал

Палыч. – Хотя и не таких безумных, на мой вкус.

– А про ворон есть?

– Может быть. Точно не знаю, – Пал Палыч равнодушно пожал плечами. – Все больше про оленей. И хорошо, оленину хотя бы есть можно. А от историй никакого проку. И кстати, дамы, мы уже подъезжаем. Недолго осталось.

Надя с тревогой глянула в окно. Теперь ей не очень-то и хотелось выходить. Пусть они отъехали на порядочное расстояние, но человек-ворон был так близко – вдруг прицепился к поезду? Или, и того хуже, если здесь таких много?

Когда поезд остановился на нужной станции под странным названием Тайшет, у Нади свело живот. Однако выбора не оставалось, и она с помощью проводника вышла из вагона. Несмотря на то, что на ней было пальто, холод обволок полностью, пробрался под ткань. Снег здесь успел растаять, но деревья стояли голые – ни дать ни взять март.

Вокруг было довольно пустынно. Вдоль перрона протянулся длинный, безликий деревянный дом, вдали посреди мрачного серо-бурого простора раскиданы еще несколько строений. Неподалеку торчал купол-луковка маленькой церквушки.

К ним навстречу поспешил человек – грузный русский мужчина с пышной каштановой бородой. Следом за ним плелся угрюмый мальчишка, чем-то напоминающий Аюра – с такой же смуглой кожей, влажно поблескивающими темными глазами и стриженными черными волосами, которые

стояли торчком, как у ежика. Ему было, должно быть, лет четырнадцать, но Наде он показался совсем сопливым.

– Пал Палыч! Приехали! – загремел мужчина. – Ну и ну, а это Надька, что ли, так вымахала? А это что за прекрасная леди? – добавил он несколько смущенно при виде Каролины и попытался приосаниться, но вышло у него неважно.

Пока Пал Палыч представлял их обеих, Надя с трудом вспомнила этого человека – Михаил, дружил с отцом и помогал ему в каких-то делах. Последний раз она видела его совсем малышкой, но его имя всплывало частенько. То письмо придет, то привет передаст.

– Пойдемте, пойдемте, – засуетился он. – Устали, небось, с дороги. Аркашка, вещи возьми!

Мальчишке, конечно, не по силам было взять все – Пал Палыч вез с собой кучу тяжелых ящиков – товары для продажи и обмена, их еще не закончили разгружать. Михаил обнадежил, что уже все устроил и их доставят куда нужно, а вот сундуки с их личными вещами – другое дело. Аркашка начал грузить их на небольшую повозку, причем не особенно бережно.

– Пойдем, пойдем, – позвал их Михаил. – Тут два шага.

– Осторожнее, – не удержалась Надя, проходя мимо повозки. – У меня там важные вещи.

Аркашка скользнул по ней неприязненным, как ей показалось, взглядом. Надя почувствовала удовлетворение, но тут громко закаркали вороны, и хорошего настроения как ни бы-

вало.

С тяжело бьющимся сердцем она повернулась и посмотрела на поезд. Грузчики заканчивали освобождать вагон от отцовских ящиков. Люди в грубо сшитой одежде поднимались по ступеням, переругивались с проводниками и забирались внутрь, таща за собой грязные мешки и баулы. За окнами лениво перекатывались вялые пассажиры, одуревшие от долгого пути. Конечно, никакой человек-ворон на крышу поезда не забрался и к вагонам не прицепился.

Надя чуть отстала, но Пал Палыч и Каролина ничего не заметили – слишком увлеклись разглагольствованиями Михаила о «прекрасных краях», которые, уверял он, «обеспечат России славное будущее».

– Вы подумайте! – гудел он на всю округу. – Огромные территории! Прорва леса! А оленей! Медведей! А красота какая неопишная!

На пути Нади возник мужчина. Чтобы не столкнуться с ним, пришлось отойти и нагнать остальных с правой стороны. Теперь по одну руку была Каролина, по другую – огромные колеса поезда, выглядывающие из-под платформы.

Через минуту внимание Нади привлек негромкий звук. Он слышался оттуда, из-за колес.

Сначала она подумала, что ей послышалось. Потом – что это естественный для поезда звук. Нечто среднее между скрипом и кряхтением, он вырывался небольшой, тягостной, прерывистой струей.

Надя похолодела – не понимая толком, почему, – но сделала шаг в сторону, придержала платье, нагнулась и попыталась заглянуть под вагон. Движения ее были неуверенны и осторожны.

В нос ударил запах мазута, а может, чего-то другого, Надя точно не знала – просто пахло поездом. Звук было стих, затем возник снова.

За тяжелыми металлическими колесами показалось нечто длинное, изогнутое. Оно тянулось сначала прямо, но потом словно бы заметило, что за ним наблюдают, и извернулось. В Надю уперся большой круглый глаз с огромным черным зрачком.

Она резко выпрямилась, отшатнулась и задела кого-то плечом – как выяснилось, Аркашку.

– Под поезд, что ли, захотела? – буркнул он.

Надя так испугалась, что даже не подумала возмутиться его обращению.

– Там... Там что-то есть, – сказала она дрогнувшим голосом.

Аркашка посмотрел на нее настороженно, нагнулся и заглянул под вагон. Надя видела, что он напряжен. Однако когда мальчишка выпрямился – медленно, будто увидел нечто такое, чего не мог понять, – он небрежно бросил:

– Ничего там нет. Смотри, твои тебя обыщутся, – и вернулся к тележке с вещами.

Пал Палыч, Каролина и Михаил и впрямь успели далеко

уйти. Они как раз заметили, что Нади нет, и остановились. Она быстро их нагнала, но ничего толкового сказать не смогла: в голове был один большой глаз, смотрящий на нее жутким взглядом.

Михаил объяснил ее задержку по-своему:

– Что, подружались с Аркашкой? Он неплохой, очень мрачный только. Вы с ним теперь надолго, он с вами в Анавар поедет.

Надя пробормотала что-то утвердительное. Мысли мешались, хотелось, чтобы ее оставили в покое.

Они удалились от станции всего ничего и зашли в небольшой домик на краю унылой улицы. Надя, прежде чем переступить порог, обернулась: две череды строений с грязной полосой между ними, церквушка в конце. Никакой красоты, воспеваемой Михаилом, она здесь не видела. Отчаянно не хватало солнца и зелени, да хотя бы голых деревьев – но здесь их не было совсем, видимо, очищая территорию для строительства дороги и поселка, с лесом не церемонились.

Надя вздохнула и вошла в сумрачную пасть домика.

Внутри оказалось довольно просторно. Они сразу уселись на лавки у накрытого стола – Михаил позаботился о том, чтобы им приготовили обед. Здесь уже стояла тарелка с толстыми ломтями хлеба и еще одна – с длинными полосками мяса.

На первое был суп, его вынесла из кухни худая смуглая женщина, немного похожая на Аркашку. Когда она ушла, Пал Палыч спросил, не его ли это мать.

– Э, нет, – махнул рукой Михаил. – Я его далеко отсюда подобрал. У него родных не осталось.

«Неудивительно, что он такой угрюмый», – подумала Надя, пробуя суп. Он был очень горячим, наваристым, вкусным. Рука сама потянулась за хлебом. После нескольких ложек здорово полегчало, нехорошие мысли отступили. И, возможно, и не вернулись бы, если бы уже во время второго – подали картошку, которую ели с хлебом и олениной, – застольный разговор не повернулся совершенно неожиданным образом.

После того, как Михаил выпытал у Каролины все подробности ее жизни, которые она сочла допустимым сообщить, Пал Палыч спросил:

– Аюр-то здесь?

Надя вздрогнула. Михаил, как ни странно, тоже.

– Э-э... Нет.

– Как нет? Уже уехал? Разминулись с ним?

– Разминулись, да... Я потом расскажу. Тебе он зачем? У меня другие ребята наготове есть.

Пал Палыч заметно растерялся, но продолжать расспросы не стал – понял, что разговор не для женских ушей.

– По нашим делам это понятно... Но я хотел его еще насчет этих их спросить... Духов. Надежда уже успела заинтересоваться, как бы беды не вышло. Думал, поговорит с ней и со своими.

– О-о! – Михаил заметно оживился. – Да чего сразу бе-

да? Может, быть тебе, Наденька, известным исследователем! К нам сюда приезжают такие – собирают эти... легенды всякие. Ты, Павел, не волнуйся. Сказки местные время от времени рассказывают, но никого насильно к себе не тянут, просто живут так, как привыкли, и все тут. И христианского Бога знают уже. Нужно время, чтобы оторвались от суеверий. Вон, тебе батюшка здешний, – он мотнул головой, указывая, видимо, на церковь, – то же самое скажет. Надя умная барышня, да и мадам, в случае чего, присмотрит, – со значением посмотрел он на Каролину.

Так не нашлась, что сказать, и уперла глаза в стол.

– Мадам сама бреднями увлекается, – проворчал Пал Палыч, впрочем, не всерьез.

– Неужели? В таком случае, позвольте побаловать вас местной байкой. Известно ли вам, дамы, кто такие мамонты?

– Вымершие животные, – ответила Каролина. – Схожие со слонами, но покрытые шерстью. Я читала, какой-то местный народ здесь, в Сибири, нашел целого мамонта, как живого. В промерзшей земле.

Пал Палыч, Надя и даже Михаил уставились на нее, пораженные.

– Это что, правда? – спросила Надя.

– Правда, – кивнул Михаил. – И тунгусы, это местные, бают, что не первая это была их находка и не последняя. Ну, удивили вы меня. Наверное, больше меня знаете, – он шутиливо насупился.

– Нет-нет, расскажите, пожалуйста, – попросила Каролина. – Нам очень интересно.

– Ладно уж, ради вас... Тунгусы считают, что есть три мира – Верхний, где всякие небожители, Средний – наш, людской, и Нижний – мир мертвых.

– Пока ничего необычного, – заметил Пал Палыч.

– Терпение, Павел, терпение. Стал бог, Сэвэки они его называют, обустраивать Средний мир, наш то есть. Налепил из глины разных животных, мамонта в том числе. Сэли его звали. А его злой братец, не помню имя, сделал змея. Его называли... Дай Бог памяти... Дябдар. И вот Сэли этот сцепился со змеем. Дрались бог знает сколько, и во время битвы мамонт так натопал по земле, что порядком ее вывернул. Так появились равнины и горы. А от тела змея появились реки. Ну, земля в конце концов содрогнулась, и мамонт и змей провалились под землю. Там они стали стражами Нижнего мира.

– Нелепица! – воскликнул Пал Палыч.

– Занимательно, – вежливо проговорила Каролина.

– Ни капли, – ответил Михаил на полном серьезе. – Не этим хотел я вас удивить. Тут в одном поселении приключилась вот такая странная штука. Прибегает охотник, не мальчишка какой-нибудь, а взрослый мужик, и орет дурным голосом, что его товарища утащил под землю змей этот, Дябдар. Сначала подумали, конечно, что он пьян – у местных с этим дело из рук вон плохо, если пьют, то совсем меры

не знают. Но нет, не пьян. Пошли посмотреть. Решили, провалился человек куда-нибудь, в старую берлогу, может, или овраг... Сами знаете, у страха глаза велики. Пошли, кстати, русские, а не местные. Те наотрез отказались – представьте себе, сразу своему поверили, ринулись к шаману... Но не суть. Я сам там был, пошел вместе с другими поглядеть. Не по себе было. Уже думал, что дурят нас – может, заманили таким образом в лес, кто их знает... Но что же? Пришли. В земле расщелина. Странная, как будто кто ножом ударил, а земля возьми и расколись. Не очень широкая, но человек провалиться может. Холодом из нее тянуло жутким, дна видно не было. Кричали-кричали, не докричались. Поняли, что спасти некого. Повернулись, пошли обратно...

Все, даже скептически настроенный Пал Палыч, затаили дыхание – почувствовали, что Михаил приближается к самой важной части своего рассказа.

– ... Отошли уже немного, но тут я оглянулся. И, поверьте, нет, увидел два изогнутых рога. Они торчали из щели, там и скрылись. Я, честно сказать, перепугался – подумал, самого дьявола увидел. Сдуру рассказал местным, а те давай доказывать, что это не рога были, а бивни мамонта Сэли. Вот так.

За столом повисло молчание. Каждый на свой лад обдумывал историю и думал, уместно ли задавать вопросы, и если да, то какие.

Тишину нарушил Пал Палыч:

– Ты уверен, что тебе не показалось? Сам-то не пил?

– Обижаешь! Уверен, что видел, но что именно – честно говоря, нет. Уже потом думал, вдруг... Ну, олень какой странный туда упал... Или еще что... Мало ли. Но вот, видите, из-за подобных случаев они еще нескоро от суеверий откажутся. Да я и сам, Богом клянусь, был готов поверить, что здесь чертовщина творится!

– Жутковатая история, – призналась Каролина.

– А то, – Михаил остался доволен произведенным впечатлением.

– Надо было попа позвать к той щели, на всякий случай, – хмыкнул Пал Палыч.

Михаил как-то странно помялся.

– Да я и сам думал... Но не успел.

– Уехал?

– Нет. Местные оттуда ушли. Буквально в пару дней. Зачем было возвращаться, если селения как не бывало, – Михаил пожал плечами. – Такие дела.

6

Остаток дня потратили на небольшой отдых. Немного погуляли по улице, но смотреть здесь было особенно нечего – прошлись вдоль домов, заглянули в церквушку, вот и вся экскурсия, – и решили пораньше лечь спать. Продолжить путь предстояло уже завтра.

Надю уложили в одной комнате с Каролиной. Они вместе улеглись на жесткую кровать и уже оттуда слышали торопливую дробь дождя.

Несмотря на шумные удары капель и ощутимую прохладу, Каролина почти сразу уснула, хотя, ложась, сетовала, что после рассказов Михаила ей предстоит бессонная ночь. Надя покрутилась немного. Через четверть часа удалось забыться призрачным сном, однако спустя всего несколько минут его нарушил протяжный скрип.

Надя уже успела увидеть обрывок начинающегося сна – огромную воронью голову, выглядывающую из окна поезда – и с удовольствием выбралась обратно в реальность.

В комнату на секунду скользнул слабый ответ – кто-то прошел мимо с керосиновой лампой. Раздались тихие голоса и звон стаканов.

Понятно, подумала Надя, отец и Михаил решили еще посидеть и попить чаю – или чего покрепче. Она решила к ним заглянуть. Когда Пал Палыч сидел с близкими родственни-

ками и друзьями, он, к неудовольствию Каролины, не возражал, если Надя какое-то время составляла им компанию.

Она тихонько поднялась с кровати, натянула на себя платье и вышла в коридор. Из большой комнаты слышались приглушенные голоса. Надя сделала шаг к ней, но расслышала имя Эстер и замерла возле прохода.

– Печально, печально... – донеслось до нее бормотание Михаила.

– Так что Аюр?

– А...

Повисла пауза, заполненная характерным бульканьем, стуком толстостенных стаканов и звуками глотков. Надя слегка пришла в себя и наострила уши.

– Совсем голову потерял, задумал непременно жениться. Ты бы его видел, Павел – то носился как угорелый и по лесу, и между деревнями, то сядет и сиднем сидит, с места не сдвинуть. Глаза ошалевшие. Я его даже в Красноярск отправил, думал, нагуляется, образумится. Ничего подобного. Ждал поездку к вам, как соловей лета, – Михаил громко шмыгнул носом. – Потом, видимо, узнал... Кто-то слух привез, наверное. Он давай умолять меня отпустить к вам. Не поверил... Я велел пождать. Время-то какое, сам знаешь... Горячее. Рук не хватает.

– И как тогда? – тихо спросил Пал Палыч.

– Он в тот вечер совсем смурной был. Влад отправил его в лес, чтобы развеялся... Аюр на охоте отвлекался обычно.

К ночи не вернулся, занервничали... Не договаривались так. Утром пошли искать. Нашли оленя мертвого, Аюр сверху лежал, прямо на рогах у него...

Надя сначала не поняла, о чем речь, и ждала продолжения рассказа. Аюра дернули, он встал, а что дальше?... Только после очередной долгой паузы до нее начало доходить.

– Неужели это олень его?

– Непонятно. Олень мертвый был, но не застреленный. Даже мясо брать побоялись, мало ли... Только шкуру содрали. А Аюр... С ним тоже неясно, волки успели поработать... Оленя не тронули, а его... – снова гулко стукнул стакан. – Кое-кто поговаривает, что сам нарвался... Из-за этой...

– Эстер.

– Да. Имя-то какое...

Надя на негнущихся ногах вернулась к Каролине. Хотелось уснуть – резко, моментально, чтобы не думать, чтобы забыть услышанное.

В комнате стояла темнота, но мечущийся взгляд уловил внизу, у кровати, неестественный блеск. Надя нагнулась и онемевшей рукой нащупала на полу серебряный браслет в форме полумесяца. Она не помнила, что брала его с собой, и уж тем более он не мог выпасть из ее сундука. Этой тревожной ночью некогда любимое украшение показалось мрачным предзнаменованием.

Первым порывом Нади было распахнуть окно и выбросить браслет от греха подальше. С трудом она сообразила,

что толку от этого немного – кто-нибудь непременно найдет утром и запросто спросит, нет ли в доме хозяев вещицы. Вопросы тогда не оберешься, и тяжелым переживанием разрыва с Эстер больше не оправдаешься.

Сердце больно колото. Надя легла на кровать, забыв даже снять платье, сунула полумесяц под подушку и с час пролежала, глядя недвижимым взглядом в темноту.

Когда дождь перестал, она наконец уснула.

Утром все встали поздно, неспешно позавтракали и принялись собираться. К дому подкатили целых три повозки, запряженные лошадьми, и незнамо откуда взявшиеся мужики стали грузить на них вещи. Было шумно и пыльно. Надя и Каролина быстро устали от суматохи и вернулись в дом, но и там до них доносилась крепкая ругань. В конце концов Пал Палыч, тяжело отдуваясь, зашел к ним, внимательно посмотрел на бледную Надю и крикнул:

– Значит, так. Собирайтесь, садитесь. Поедете вперед.

– Одни, что ли? – вяло спросила Надя, за что удостоилась сердитого взгляда от Каролины.

– Почему одни? С двумя прекрасными проводниками. А мы пока догрузим вещи и вас догоним. Надька, ты как себя чувствуешь?

– Хорошо. Не выпалась.

Этот ответ удовлетворил Пал Палыча. Он настоял, чтобы достали кофе, который он предусмотрительно закупил в Москве, и они на дорогу выпили по чашке. Затем Пал Палыч и Михаил помогли Наде и Каролине забраться в единственную крытую повозку. Лошадьми правил пожилой якут по имени Егор. Рядом с ним сидел мрачный Аркашка. Надя едва обратила на него внимание: ночной разговор вытеснил из головы случай у поезда. Она не заметила, как тронулась

повозка и станция осталась далеко позади.

Не верилось, что Аюра больше нет.

Они с Эстер познакомились с ним, когда он впервые приехал из Сибири с Пал Палычем. Аюру тогда было около шестнадцати, а им с Эстер – всего по одиннадцать. Сначала они упорно дразнили смуглого паренька со встрепанными темными волосами, которого посылали туда-сюда с разными поручениями – сколотить прилавок для ярмарки, принести оленину, освежевать дичь и даже прибраться в комнате и принести чай. Было очень весело обозвать его или дернуть за рубашку и понестись прочь – и все это так, чтобы не заметили взрослые, ведь они, девушки, «должны вести себя соответственно». Аюр отмахивался от них, как от назойливых мух.

Дразнилки поутихли спустя пару недель. Надя и Эстер пошли прогуляться по лесу недалеко от дачного поселка. Надя обрывала с кустов дикие ягоды и пыталась подобрать сносную ветку для лука, а Эстер собирала цветы, походя плела венки и рассказывала одну из своих историй:

– Тут неподалеку есть замок. Знаешь, где болота? Вот, если их пройти, выберешься на старую-престарую дорогу, и дойдешь прямо до замка. Только имей в виду, он заколдованный. Причем взаправду заколдованный, а не понарошку. Давным-давно одного князя отвергла девушка, и он велел построить себе замок вдали ото всех, а в замке – лабиринт, чтобы он мог прятаться в нем, если вдруг кто увидит... Все

сделали, как он хотел, но знаешь что? Он зашел в лабиринт и больше его никто не видел. Звали, звали – ничего. Пытались найти князя, да не смогли: лабиринт был слишком запутанным. Спустя много лет все были уверены, что князь давно умер, но время от времени люди приходили к замку. Думали, найдут кости князя. Их не нашли, но каждый раз, блуждая по лабиринту, люди видели на его стенах новые надписи. И поняли, что князь до сих пор там. Прошло еще много-много лет, замок давно разрушился, но лабиринт большей частью остался целым – он уходит глубоко под землю. Несколько человек спускались туда и видели – надписи продолжают появляться... А-а!!!

Крик в конце не был попыткой еще больше впечатлить Надю, зачарованную рассказом – она всегда сначала слушала, развесив уши, потом начинала сомневаться и упрекать Эстер в излишнем воображении, а еще позже рассеянно обдумывала истории, пытаясь доказать себе, что что-то из этого может быть правдой.

Эстер завопила, потому что ее нога ухнула куда-то вниз. Цветы выпали из рук и рассыпались вокруг живописным полукругом.

– Что с тобой? – Надя схватила ее за плечи и посмотрела вниз.

Земля, покрытая травой, поглотила ногу Эстер по щиколотку. И как девочка ни старалась, не могла освободиться. Надя потянула ее изо всех сил – тщетно. Они вместе пыта-

лись разрыть землю, но под травой и грунтом оказалась железная решетка. Напуганные, подруги даже не задумались, откуда и зачем она могла здесь взяться – просто пытались высвободить ногу Эстер из коварной ловушки.

Они совсем обессилили, когда на тропинке появился Аюр. За его спиной было ружье, на плече – полотняная сумка с огромным багровым пятном. Увидев их, он сразу остановился.

– Что случилось?

И Надя, и Эстер моментально забыли, что ни разу не проходили мимо него, не бросив обидного слова. Они были безумно рады увидеть почти взрослого парня.

Аюр оправдал их надежды. Он быстро оценил положение, приподнял решетку и осторожно высвободил расцарапанную ногу Эстер. Пока раненая переводила дух, а Надя гладила ее по голове, Аюр заглянул в яму, положил решетку обратно и снова закидал землей.

– Что там? – спросила Надя. – Кто это сделал?

– Ничего.

– А зачем положил обратно? Кто-нибудь еще упадет!

– Схожу за лопатой. Руками все равно нормально не сделать.

Аюра они больше не дразнили – если только чуть-чуть и по-доброму. Каждый раз радовались его приезду, иногда просили помочь со всякими пустяками – например, если во время игры в бадминтон волан залетал на крышу веранды.

А потом все изменилось. Прошлым летом Эстер стала награждать Аюра чересчур пристальными взглядами и не переставая говорить о нем. Надя сначала не понимала, чем вызван ее интерес. Догадки появились только зимой, и это открытие подняло бурю негодования и обиды. Во-первых, это было предательством их с Эстер дружбы. Во-вторых, какое право она имела влюбляться в работника ее отца? Глупо, но именно так Надя почувствовала себя в тот момент.

Летом они с Эстер снова, как прежде, проводили время вместе. Одним из их давних развлечений было пойти лес в поисках того самого места, где Эстер провалилась под землю. Они ведь так и не узнали, что было в яме. Аюра не спрашивали – им нравилось дразнящее ощущение тайны. И Эстер, конечно, напридумывала кучу историй о том, что там было на самом деле – украденные сокровища, тайно похищенная императорская корона и даже письма английской принцессы, которая давным-давно предпочла отказаться от королевства и бежать в Россию со своим тайным возлюбленным. С каждым годом истории Эстер становились все более романтичными, и когда она рассказывала их, ее глаза подергивались пеленой – видимо, она представляла себя на месте главной героини.

Теперь Аюра нет. И Эстер нет. А она, Надя, в Сибири.

Повозку сильно потрянуло, Надя вырвалась из плена мыслей и увидела у кромки леса оленя. Он показался всего на несколько секунд, большой, серый, с огромной короной ро-

гов на вытянутой голове. Наде показалось, что они обагрены кровью.

«Нашли оленя мертвого, Аюр сверху лежал, прямо на рогах у него...»

Надя хотела показать Каролине, но олень быстро исчез. Был – и нету. Должно быть, отступил обратно в лес. Или вообще не было никакого оленя – просто показалось.

Как человек-ворон. Как то, под поездом.

– Слушай, Каролина, – сказала Надя. – Если человек видит то, чего нет, это ведь очень плохо, да?

Каролина подняла глаза от книги, которую умудрялась читать при жуткой тряске, и посмотрела на нее спокойным, внимательным взглядом.

– Обычно так бывает, когда у человека совесть нечиста.

Сказав это, она вернулась к книге.

«Нечиста, – подумала Надя, а может, это прозвучал голос в ее голове. – Ты даже не представляешь, насколько».

8

Большой черный ворон опустился на груды ветвей и хрипло каркнул. Алана заглянула в круглые и блестящие, как бусины, глаза птицы и сердито шикнула на нее. Ворон отпрыгнул в сторону, но не улетел.

В кустах неподалеку что-то зашуршало. Алана, нагнувшись за очередной ветвью, замерла. Животные обычно не подходили так близко к бикиту, но мало ли? В лесу всегда нужно быть начеку. Не далее как месяц назад Дыгиян, парень года на два старше нее, едва удрал от медведя, оголодавшего за время долгой спячки, а немногим позже волки только чудом не загрызли оленя, пасущегося у кромки леса.

Шорох был странный, нехарактерный для зверя – ветви покачивались на совсем небольшой высоте, а звук кусты издавали такой, словно там окопались сразу две лисицы. Черные брови Аланы свелись к переносице; она выпрямилась и засучила рукава – приготовилась задать взбучку нарушителю спокойствия.

Ворон снова закаркал, и Ганя не выдержал – вылетел из кустов с громким уханьем, размахивая руками. Зрелище было настолько нелепое, что Алане стоило огромных трудов не рассмеяться. Ну а ворон, издав возмущенный звук, взмахнул крыльями и улетел – на его месте и орел наверняка предпочел бы улететь подальше от безумного человеческого дете-

ныша.

– Что бы ты без меня делала! – Ганя повернулся к сестре с гордым видом.

– Продолжала бы спокойно собирать валежник.

Гордость на круглом личике Гани сменилась испугом. знал, что поступил глупо, и что нагоняя теперь не избежать.

– Ганя, никогда нельзя ходить в лес одному, да еще и тайком.

– Но ты же ходишь!

– Я старше тебя. Тебе пока нельзя. И прятаться по кустам – тоже. А если бы я подумала, что там зверь, и выстрелила бы?

– Тут недалеко ведь, и... У тебя ружья с собой сейчас нет, – пробормотал Ганя совсем тихо.

– И так орать в лесу – последнее дело, – продолжала отчитывать Алана. – Еще и носишься, как угорелый! Узнает отец – никогда тебя с собой на охоту брать не будет.

– Я же просто... Пошутить... Помочь... – голос Гани задрожал.

Алана тяжело вздохнула. Ганя совсем не походил на другого ее брата, Иничэна. Тот был прирожденным охотником – рассудительным, тихим, смелым и находчивым. Ему бы никогда и в голову не пришло с криками бегать по лесу. Даже на обычной прогулке он ступал осторожно, стараясь не издавать лишних звуков, и зорко глядел по сторонам, вычисляя добычу.

Ганя был совсем другим. Трусоватый, шумный, гораздый на подобные выходки. Отец беззаботно махал рукой – перерастет, мол, – а мать побаивалась отпускать его в лес даже с Аланой.

– Ладно, успокойся. Собирай ветки и клади сюда, только не теряй меня из виду, ясно?

Ганя закивал и бросился на поиски веток. Про себя Алана с горечью отметила, что ясно ему ничего не было – он то и дело норовил уйти в сторону. Приходилось зорко следить за ним и напоминать, что нельзя уходить далеко.

В какой-то момент Алана подняла голову и не увидела брата.

– Ганя! Не уходи далеко.

Нет ответа. Раздраженная, Алана бросила в кучу еще несколько веток.

– Ганя!

Тишина.

Алана быстрым шагом направилась в ту сторону, где видела Ганю последний раз. Сквозь колючие кусты она протиснулась без особой тревоги, но когда пришлось перебраться через упавшее дерево, сердце тревожно дернулось – неужели он мог уйти так далеко? Может, свернул в другом направлении? Где его теперь искать?

Она сделала еще несколько шагов и не сдержала вздоха облегчения. За ветвями низкорослых деревьев проглядывала спина Гани.

– Га...

Последний слог застрял в горле. Алана вдруг поняла, что Ганя уже долго стоит и не двигается, и никак не реагирует на шорохи. Почему? Увидел опасного зверя?

Она тихонько приблизилась, раздвинула ветви и поравнялась с Ганей.

Перед ними протянулась небольшая прогалина. За ней росли деревья и кусты, они словно расступались, образуя неширокий проход. В его конце была еще одна, крохотная полянка, на которую каким-то чудом прокрался солнечный луч.

Свет падал прямиком на невысокую фигуру.

– Черный человек, – прошептал Ганя одними губами.

Алана напряженно всматривалась. Это был парень, примерно одного с ней возраста, стройный, с короткими черными, как уголь, волосами и в совершенно черной одежде, очень необычной на вид: она так плотно облегалась его тело, что, казалось, двигаться в ней невозможно.

Но нет, он заметил их, легко повернулся. Из-за черных волос белизна лица больно била в глаза.

Алане стало не по себе.

– Пойдем отсюда, – сказала она.

Парень неотрывно смотрел на них. Поворачиваясь, она чувствовала спиной его взгляд.

Ганя так и не вышел из оцепенения – пришлось тащить его за руку.

«Будь спокойной, – уговаривала себя Алана. – Никто не говорил, что Черные люди нападают. С ними запретили говорить. Можно просто уйти».

Уйти можно, но что, если он пойдет за ними?

Ганя тихо поскуливал и бормотал какую-то нелепицу о том, что от Черного человека почернело дерево и теперь оно наверняка погибнет. Алана шикнула на него.

Они дошли до собранных веток. Алана быстро разделила их на две неравные части, связала припасенной веревкой. Вязанка поменьше досталась Гане, большую она закинула себе за спину и быстро пошла вперед, подгоняя и торопя спотыкающегося брата.

Вскоре они добрались до чума Улгэна. Алана, тяжело дыша, впервые обернулась. Лес, как всегда, стоял недвижимой, молчаливой стеной.

Только теперь она наверняка знала, что в нем можно наткнуться на Черных людей.

День прошел в обычных трудах и заботах: Алана помогала матери готовить еду, сходила к реке выстирать одежду, прогулялась до пастбища, но ничто не могло выбить из головы необычную встречу в лесу. Черный человек стоял перед ее глазами, как живой – стройный, узкий силуэт на озаренной солнцем полянке, непоколебимо спокойный, будто вокруг – его стихия, хотя все в облике говорило о том, что стихия этого существа невообразимо далека от тайги. Никто не ходит по лесу в таких нарядах, да еще и без всего – ни сумки, ни ружья, ни ножа. Алана была уверена, что под облегающей одеждой невозможно что-либо спрятать.

Рослый олень вдруг ткнулся влажной мордой прямо ей в лицо. Алана от неожиданности вскрикнула и опрокинулась навзничь. Раздался хоровой смех, и она тоже, не выдержав, рассмеялась.

– Внимания хочет, – сказал Эден и протянул ей руку.

Алана ухватилась за нее и снова села. Эден и его брат Урэн были братьями-близнецами и, по общему мнению, ничего, кроме наблюдения за стадом, доверить им было нельзя. Они с самого детства постоянно витали в облаках. Сначала строили бесконечные планы побега в Москву, а потом, когда повзрослели и вполне могли отправиться в долгое путешествие, переключились на другие места, о которых никто

никогда не слышал. Еще братья хорошо себя показали в постройке тайных убежищ – для обсуждений им нужны были укромные местечки, и они в совершенстве освоили строительство укрытий на деревьях, чем с удовольствием пользовались охотники.

– О чем задумалась, красавица? – спросил Урэн, подсаживаясь к Алане.

– Увидела в лесу Черного человека, – призналась она.

Братья переглянулись.

– Испугалась? – спросил Эден.

– Не знаю. Правда, не знаю, – Алана глянула на них с подозрением – они-то явно не удивились и не испугались. – Вы их тоже видели, да?

Эден и Урэн снова переглянулись, как видно, заключили молчаливое соглашение, и Урэн кивнул:

– Мы первые их и увидели. Думаешь, кто Улгэну рассказал?

– Семен.

– Семен!.. А ему кто?

– Он, правда, сначала нам не поверил, – уточнил Эден. – Все ваши выдумки, говорит.

– А мы ему: пойди с нами да посмотри. Он пошел, увидел и понял, что дело странное. Сказал нашему саману. Улгэн с духами переговорил... Дальше сама знаешь, слышала.

– Где вы их увидели? Как?

– Семен попросил нас построить новое убежище, – начал

рассказывать Эден. – Мы пошли туда, куда он сказал, стали искать подходящее дерево.

– Не каждое дерево подойдет, – вставил Урэн. – Иногда видишь – кажется, что отлично подходит, а забираешься – и оказывается, что для нашей затеи никудышное.

– Вот мы и забрались на очередное, оно показалось нормальным, и тут слышим пение.

– Пение? – глаза Аланы расширились от удивления.

– Не совсем пение... – Урэн посмотрел на Эдена.

– Непонятно было, пение это или музыка, – объяснил брат. – То есть, неясно, инструмент это или голосами так... Красиво в чем-то звучало, но жутко. Да и кто в тайге поет?

Урэн молча кивнул, соглашаясь.

– И что было дальше? – поторопила Алана.

– Мы спускаться не захотели, – продолжил Эден. – Стали раздвигать ветви, но ничего не видели. Мы же специально место такое подбирали, чтобы совсем незаметно было. Пришлось на другие деревья перелезть... Когда нашли просвет, эти люди уже почти прошли.

– Но мы их увидели. Их было много. Шли по тропе, мы видели их черные спины. И головы черные.

– Подождите, – запуталась Алана. – Вы же были там, где охотится Семен? – она знала это место – очень далеко, сплошные дебри. – А Улгэн говорит, сейчас они там, где было старое пастбище.

– Ну да, – подтвердил Урэн. – Туда они и шли.

– Мы когда Семена привели, перехватили их на полпути, у ручья. Музыка уже не было. Шли молча, но так было еще страннее. Так много их и вообще не говорили.

– А вас они видели?

– Улгэн говорит, что да, – сказал Эден. – Мы не заметили, но он уверен, что да. Говорит – все видят, даже сквозь деревья. И прятаться от них бесполезно.

Алана снова почувствовала на себе пронзительный взгляд Черного человека, и кожу пробрало морозной дрожью, хотя светило солнышко, уже очень теплое. Невольно она обернулась, но за спиной бродили олени, и если на нее сейчас кто и смотрел, то только они.

– Откуда же пришли эти Черные люди? – прошептала Алана.

– Из дебрей пришли, – мрачно проговорил Урэн. – По-другому не получается.

– Верно. Я слышал, старики говорили, что они, конечно, могли через лес пробираться, как ссыльные эти...

– Беглые, ты имеешь в виду? – уточнила Алана.

– Да, как беглые. Но они ведь совсем не были похожи на беглых. Одежда на них чистая, и шли строем, не прятались, будто наверняка все дороги знали и знали, куда нужно прийти...

– И пели еще, – добавил Урэн.

– И пели. И о диких животных, видно, совсем не думали, раз так шли... Дело ясное – необычные люди. Лучше дер-

жаться от них подальше.

Алана была полностью согласна, но история братьев сделала мысли о Черном человеке еще навязчивее. Хотя стоило помнить и о том, что Эден и Урэн были теми еще выдумщиками.

Ложась спать, Алана вспоминала Черного человека, уверенно стоящего посреди леса с видом если не полноправного господина, то почетного гостя. Что заставляло этих людей вести себя таким образом? Устроено ли у них все так же, как здесь? Мелькнула даже мысль – а может, это жители Угу буга, Верхнего мира?.. Или Хэргу буга, Нижнего?

Тревожные размышления еще долго не давали уснуть. Когда Алана наконец начала проваливаться в сон, до ее ушей донеслись звуки – не то музыка, не то пение, низкое, звенящее, вызывающее потаенные страхи и бесконечную скорбь.

Алана попыталась проснуться и понять, что происходит, но ничего не вышло. Сон увлек ее в свое царство, где ее ждала высокая фигура в черном плаще с длинной белой каймой.

На следующий день Алану позвал с собой отец – он собирался к русским. Ганя увязался за ними: он любил русских девчонок, которые постоянно норовили обрядить его, словно куклу, в свои платья и бусы и накормить хлебом с вареньем, а если повезет – то печеньем и конфетами. Геван никогда не обращал на эти игры внимания, зато Алана всегда сердилась: ей думалось, подобные развлечения портят и без того изнеженного брата. Поэтому она попыталась оставить Ганю дома, но не вышло – Геван махнул рукой:

– Пускай идет.

Алана слегка рассердилась. Ганя это почувствовал, потянул ее за рукав и попросил:

– Расскажи мне об Иничэне.

Идти было совсем недалеко, да и отцу не следовало слышать подобных разговоров. Но он шел впереди. Алана замедлила шаг и тихим голосом начала рассказывать случай, о котором Ганя любил слушать больше всего:

– Однажды мы с Иничэном отправились к Оленьему озеру. Ты знаешь, что оно очень далеко, и родители не разрешили бы нам пойти туда одним, но мы пошли. Мне было страшновато, потому что старики говорят, туда нельзя ходить, что это места Оленьего бога, и что в это озеро по ручью из другого мира приходят еще нерожденные олени. Но Иничэн ни-

чего не боялся, хотя был меньше меня.

– Как я? – с надеждой спросил Ганя, хотя и так знал ответ.

– Побольше, – была вынуждена разочаровать его Алана. – Но ты ведь подрастешь еще... Мы с Иничэном очень долго шли. Без него я бы, наверное, заплутала, но он отлично запоминал тропы, а если надо было, находил новые. По пути нам попался волк, но он был больной. Иничэн сразу это заметил, пугнул его палкой, и волк убежал. Когда мы добрались до Оленьего озера, там...

Дом Александра Васильевича был уже совсем близко – самый большой в биките, красивый, с резными наличниками, которые на заказ сделали привезенные для этого умельцы. Во дворе играл с собакой Дружком неутомимый Егорка, младший сын хозяина.

– Я тебе потом дорасскажу, – прошептала Алана, с опаской поглядев на отца.

Причина была даже не в том, что речь шла о походе к запретному месту. Каждый раз, когда Геван слышал об Иничэне, он награждал дочь долгим взглядом, и той это совсем не нравилось.

– Аланка! – бросился к ним Егорка. – Привет! Давай в салки играть.

– Не сегодня, – сказал Геван. – Хочу, чтобы она нас с Александром послушала. А с Ганей вот поиграй.

– Я лучше с Олей и Настей, – Ганя посмотрел на Егорку с опаской. Тот догонит его в мгновение ока, и, конечно, от

него варенья не дожدهшься.

Они вошли в дом. Внутри было просторно, сундуки накрыты вышитыми покрывалами, в уголке – несколько икон. Алана, Геван и даже Ганя перекрестились на них. Они верили в своих богов, но считали, раз все русские так делают – значит, надо; следовать обычаям хозяев дома – дело хорошее.

– Заходите, заходите! – радостно встретил их Александр Васильевич, приподнимаясь из-за стола, на котором были разложены толстые книги. – Жена! – крикнул он в глубину дома. – Вели принести гостям чаю с пышками.

– С пышками? – воскликнул Ганя пораженно, не веря своему счастью.

Александр Васильевич рассмеялся.

– С пышками, с пышками. Вы садитесь. Книги убрать не могу пока, но вы тут поместитесь...

Они послушно уселись с другого края стола. Лена, жена Александра Васильевича, сама разлила им чай, затем принесла и блюдо с пышками. Алана не очень любила сладкое, но выпечка была такой воздушной, мягкой и ароматной, что она сама не заметила, как съела несколько штук.

– Ешь, ешь, – засмеялась Лена, заметив ее смущение. – Ты, Алана, худющая, смотри – ветром сдует, и все.

Алана выдавила на лице мимолетную улыбку и уделила все внимание недопитому чаю. Она не считала себя худой, хотя если сравнивать с необъятным телом Лены и ее дочер-

ми, формами напоминающими эти самые пышки, то ее, конечно, меньше.

После чаепития Лена, сунув Гане блюдо с остатками выпечки, повела его к Оле и Насте. Хотела сначала и Алану с собой утянуть, но Геван дал понять, что она останется с ними. Лене не удалось скрыть недовольство – у русских женщины редко когда участвовали в деловых разговорах, а именно таковой и предстоял.

Александр Васильевич уже несколько лет организовывал торговлю в их районе. Вызнавал нужды, искал поставщиков, договаривался о вариантах обмена. Попутно подыскивал русских помощников для тунгусов и, что бывало гораздо чаще, тунгусских – для русских, разрешал конфликты и споры. Здесь его уважали все, и пусть другие люди занимались почти тем же, если бы кто спросил, кто среди здешних торговцев главный – любой бы указал на Александра Васильевича. Сам он был вторым сыном в богатой купеческой семье, которая до сих пор вела успешные дела в Москве. Но Александр Васильевич, по случаю попав в малолетстве в Сибирь, влюбился в нее с первого взгляда и рано задался целью устроить дело именно в этих краях, причем не где-нибудь в Красноярске или Томске, а подальше, на отшибе, где пока ничего нет, но, свято верил он, «обязательно будет». И оттого, что он выбрал такой, непростой путь, его уважали вдвойне. Только семья его была не очень довольна. «Император насильно людей в Сибирь отправляет, а мы, дураки, сами по-

ехали», – ворчала его старшая дочь Настасья.

И, наконец, Александра Васильевича любили за то, что он с уважением относился к обычаям тунгусов и от своих соотечественников требовал того же.

– Что, Алана, наследницей будешь? – спросил Александр Васильевич полушутя.

Алана равнодушно пожала плечами.

– Пусть познает потихоньку, – сказал Геван. – Не захочет сама заниматься, так другим передаст.

– Как скажешь. Так, что-то нужно тебе? Или предложишь что?

– Ружья нужны и патронов побольше.

Александр Васильевич принялся листать одну из своих огромных книг.

– Это тебе повезло. Совсем скоро к нам большой человек приезжает, обещался привезти. Давай запишу, сколько вам...

С четверть часа они перекидывались цифрами – сколько ружей, сколько патронов, сколько взамен шкур и мяса, когда именно каждый получит свое, какие задержки допустимы. Алана знала, что обычно отец не торгуется, однако сейчас он согласился на условия с заметным колебанием.

– В чем дело? Сложности есть? – насторожился Александр Васильевич.

– Пока нет... Боюсь только, сезон не очень хорошим выйдет.

– Почему?

– Из-за Черных людей. Они пока не подходят к нам, но страх есть. И в ту сторону, ты сам слышал, нам запретили ходить.

Александр Васильевич задумчиво покивал и отложил перьевую ручку.

– Ты знаешь меня, не хочу лезть со своим уставом в чужой монастырь. Но страха вашего не разделяю. Из наших пока никто их не видел, но ваши говорят, они как обычные люди по виду... Явно не черти и не привидения. Почему просто не подойти к ним и не спросить, чего им тут нужно?

– Так оно ясно, что им нужно.

– Да, помню, по-вашему, они предвещают беду. Значит, стало быть, вестники. Но ведь если не взять у гонца письмо, весть от этого не исчезнет, верно?

Геван ссутулил плечи.

– Я охотник. Не мое дело думать о таких вещах. Улгэн говорит, они прокляты, и что духи не велят с ними общаться.

– Ладно, я потом сам с Улгэном поговорю...

– Простите, – подала голос Алана. – А к другим народам они никогда не приходили? К вам, например?

– Ах, Алана, Алана, – Александр Васильевич задорно ей подмигнул. – Умненькая ты! В гимназию бы тебе. Лично я о Черных людях никогда раньше не слышал, но подумал о том же, что и ты. Послал несколько писем, вот, жду ответов. Придут с чем-нибудь полезным – обязательно дам вам знать.

Сомневаюсь, впрочем. А по поводу добычи не волнуйся, – обратился он к Гевану. – Если не получится Улгэна убедить, сочтемся так, чтобы все остались довольны.

Геван поблагодарил, они пожали друг другу руки.

– Пойдем теперь к Антону зайдем, – предложил Александр Васильевич. – Это его брата мы ждем с товаром. Поговорим. Может, кстати, у него еще остатки с прошлого заезда остались...

Алана с ними не пошла: сказала, что побудет пока здесь, вырвет Ганю из загребущих рук Ольги и Настасьи. Александр Васильевич горячо ее поддержал:

– Правильно! Эх, замуж девкам пора бы, чтобы своих нянчили, но как посмотришь, что с Ганькой вытворяют – так и страшно за внуков, честное слово!

Геван ничего не сказал – по обыкновению, считал забавы девчонок детскими играми, не стоящими внимания.

Они ушли. Алана, ободренная Александром Васильевичем, направилась в комнату к его дочерям. Из-за плотной занавески, которая заменяла дверь, доносилось приглушенное хихиканье. Алане оно совсем не понравилось; она нахмурилась и отдернула занавесь в сторону.

Ганя сидел на сундуке, завернутый в цветастые платки и обвешенный бусами, словно барышня с южного востока – картинки с такими однажды показывал один заезжий путешественник. На щеках у Гани были следы сахарной пудры и шоколада. Глаза – сонные, полуприкрытые. Он слегка пока-

чивался из стороны в сторону, а Ольга и Настасья от души над ним потешались.

– Ганя! – Алана тряхнула брата за плечо. – Что вы с ним сделали?

– Не кипятись, – фыркнула Ольга. – Просто пышек объелся. И как столько влезло!

– И конфет, – добавила Настасья. – Они, наверное, забродили немножко.

Алана принялась сдирать с Гани платки, бусы и прочие украшения. Он не пытался сопротивляться, только сонно улыбался и вяло что-то бормотал. Ольга поперхнулась смешком и, предупреждая взрыв гнева, спросила:

– О чем говорили? Оленей торговали? Или жениха тебе подыскивали?

Алане захотелось осадить их, и она бросила:

– О Черных людях.

Расчет был на то, что девушки испугаются и станут вести себя посерьезнее. Но куда там – Настасья и Ольга переглянулись с довольно скучающим видом.

– Чего говорить, – протянула Ольга. – Ясно, что беглые.

– Кому ясно?

– Да всем. Кто сюда по своей воле притащится? – она вздохнула, вспомнив свою светлую и красивую комнату в далеком Санкт-Петербурге. – Надолго они здесь не задержатся. Нам Димка говорил.

Димка тоже был отпрыском русского торговца – уже

взрослый, он пытался освоить отцовское дело, как поговаривали, без особого успеха, и чаще просто слонялся без дела.

– Димка? – переспросила Алана. – Он-то откуда знает?

Настасья огорошила:

– Так он у них был. С вашим Дыгияном. Эти, Черные, сказали им, что скоро уйдут.

Алана попыталась унять быстро забившееся сердце и сдернула с Гани последний покров – не платок даже, а вышитую салфетку.

– Чего ты яришься? – спросила Ольга. – Вот, возьми красивенький. Дарим.

Алана машинально взяла протянутый розовый платочек, что-то пробормотала.

И Димка, и Дыгиян были достаточно бестолковыми и могли соврать, чтобы покрасоваться перед девушками. Если так, то затея провалилась – ни Настасья, ни Ольга явно не были впечатлены появлением этих странных людей.

По первости перепугавшись, Алана усомнилась, что это правда. Димка никогда бы не дошел до Черных людей один – с тайгой он был знаком скверно. Пару раз ему поручали собрать валежник у самого края леса, и оба раза его пришлось искать всем миром. «В трех соснах заблудиться может», – говорили русские, и эта нелепая поговорка всегда удивляла и смешила. Дыгиян – совсем другое дело, однако он не отличался особой смелостью, и едва ли посмел нарушить запрет Улгэна.

Успокоив себя, Алана поставила Ганю на пол и за руку потянула его прочь.

Ночью на бикит налетел ветер. Нежданный и необычайно сильный, он кружил по дворам, хлопал ставнями, дребезжал стеклами, с тихим свистом просачивался сквозь щели и трогал тела людей неприятной прохладой.

Алане снился сон. В нем они с Иничэном бежали по берегу Оленьего озера. Это было непросто – вокруг водоема росли деревья, поэтому игра в догонялки быстро превратилась в бег с препятствиями: приходилось огибать деревья и отскакивать в сторону от мест, где пропитанная влагой почва подавалась под ногами. Но и из Аланы, и из Иничэна была энергия – от сознания того, что они добрались до тайного и запретного места, куда никто не ступал многие сотни лет, – и ничто не могло остановить их радостный бег.

Наконец они, тяжело дыша, упали на островок сухой травы и забылись дремой. Алана знала, что спит, но в то же время видела со стороны и себя, и озеро.

Сначала все было спокойно. Тихо хлопала вода. Мягко шуршали травы. С этими мирными звуками смешивалось ровное дыхание спящих.

Но потом взгляд Аланы скользнул в сторону, и ее пробрал страх.

Среди деревьев показался темный силуэт. Один. Второй. Третий.

Иничэн проснулся и закричал.

Громко хлопнула ставня. Алана подскочила на своей постели и не сразу поняла, от чего проснулась – от хлопка, сквозняка, лижущего голые ноги, или от ночного кошмара. Спросонья в голове было мутно, и она лишь через минуту осознала, что рядом хныкает Ганя. Должно быть, это он закричал, а ей приснилось, что Иничэн.

– Чего подвываешь? – прошептала Алана. – Родителей разбудишь.

– Мне плохой сон приснился.

– Мало ли. Мне тоже приснился, я же не кричу.

– Кричишь. Я слышал.

Алана помолчала. К шуму ветра прибавился собачий вой – недобрый знак. Сначала выла одна собака, потом присоединились другие. Ганя свернулся в тугой комочек, из-под шкуры выглядывала только его темная макушка.

– Ничего, – Алана погладила его по волосам. – Что тебе снилось?

– Иничэн.

Холодящая дрожь родилась где-то в животе и противно поползла вверх, словно сквозняк сумел пробраться внутрь.

– И что он делал в твоём сне?

– Не скажу.

Такого от Гани Алана еще не слышала и слегка оторопела.

– Что значит «не скажу»? Я твоя сестра. Говори.

– Нет.

В голосе Гани зазвучало недетское упрямство. Он с головой исчез под шкурой.

– Этот ураган из-за Черных людей? – спросил он через минуту.

– Не говори глупостей, – сказала Алана, хотя сама не была в этом уверена.

Как не подумать об этом после известия о том, что Димка и Дыгиян могли говорить с ними? Положим, сам Дыгиян не нарушал запрета Улгэна, но провел друга до нужного места. Что тогда?

К вою соседских собак прибавились отзвуки утробных стонов – подали голос олени. Это было уже совсем нехорошо.

Алана услышала, как встал отец, наказала Гане не выходить из дома и постараться уснуть, а сама вместе с подросшей матерью выбежала во двор, содрогаясь от холода раннего утра и мощных порывов ветра. Геван уже стоял на дороге, держа в руках ружье. Из других домов и чумов тоже показались вооруженные мужчины и встревоженные женщины. Все были напряжены, и Алана быстро поняла, почему.

Собаки не находили себе места, но никак нельзя было определить, что вызвало их беспокойство. Один пес сидел и выл, устремив морду к темно-серому небу, другой с лаем бегал меж домов, не обращая на людей ровно никакого внимания. Животных пытались усмирить, но бестолку.

По бикиту продолжал гулять ветер, каждый его порыв был

подобен сильному толчку. Люди беспокойно запереглядывались: не иначе как начинается стихийное бедствие.

– Проверим стадо, – предложил Семен. – А кто-то пусть к саману сходит.

– Я сбегаяю, – вызвался Орочен, которого прозвали Орлом – он был всего на год старше Аланы, но уже считался настоящим охотником.

– Я тоже, – сказала Алана.

Отец Дыгияна подтолкнул сына вперед:

– Бегите втроем. – Надеялся, видимо, что хоть тут сын принесет пользу.

Алана, Орел и Дыгиян рванули с места, кто в чем был – босиком и в домашней одежде. Холода земли они не ощущали, и как колючие травинки впиваются в ноги – тоже. Только зловеший ветер пробирал до костей.

Орел сразу ушел вперед, и Алана невольно подумала, насколько же он быстр. И бежит совсем не как Дыгиян. У того – бег с ноткой паники, как у зайца, а у Орла – целеустремленный полет. Ее саму Геван сравнивал с оленем: когда надо – может нестись со всех ног, не теряя при этом красоты и достоинства.

Несмотря на такой разный бег, к чуму Улгэна они прибыли почти одновременно. Шаман, конечно, уже не спал: сидел перед пылающим костром, обхватив шаманский бубен и закатив глаза, и что-то не то напевал, не то просто бормотал.

Они знали – мешать ему сейчас нельзя, он говорит с ду-

хами, – и потому тихо присели неподалеку.

Алана сперва смотрела на фигуру Улгэна, покачивающуюся в такт пению, затем покосилась на Дыгияна. Он изрядно нервничал и, судя по всему, уже рвался бежать обратно. Орел сидел, нахмутив брови – ему не терпелось узнать у Улгэна, в чем дело. Ветер трепал длинные волосы шамана и доносил до чума олене-собачий вой.

Время шло. Постепенно животные замолкли. Показались мужчины – со стадом все было в порядке. Только ветер продолжал бушевать.

Алана еще чувствовала тревогу, пронизывающую все вокруг, и ей было очень холодно, но у нее начали слипаться глаза. Пение Улгэна прокрадывалось в зыбкий сон, держа темные фигуры на расстоянии. Они были похожи на человеческие, эти силуэты между деревьев, и в то же время нет. Словно неподалеку разверзлась земля, и на поверхность из Хэргу буга, Нижнего мира, выбрались злые духи – прихвостни Харги, злого брата творца Сэвэки. Их длинные тела сгибались в три погибели, чтобы не возвышаться над деревьями, из голов ветвились кривые рога, напоминающие ломанные ветви.

Страх сковал Алану по рукам и ногам. Она даже не могла оглянуться и посмотреть на Иничэна.

Чья-то рука легла ей на плечо. Алана вздрогнула и проснулась. Шея затекла; она с трудом повернула голову и увидела, как Орел указывает на Улгэна.

Шаман поднялся на ноги. Постояв молча с минуту, он хрипло сказал:

– Идите по домам.

По его утомленному, но спокойному виду все поняли: беда пока миновала. Да и ветер стихал.

Алана встала, с трудом управляя замерзшим телом. Прежде чем уйти, она бросила взгляд на тайгу. Зоркие глаза увидели: там, между деревьев, кто-то стоит.

Через мгновение тень будто почувствовала, что на нее смотрят, и отступила в лес.

Никто так и не смог снова лечь спать. Алана покрутилась в постели, но тогда и Ганя тревожно заворочался, и она махнула рукой на сон, встала и занялась домашними делами.

День тянулся томительно медленно. Пару раз Алана дремала, облокотившись на стол. Время от времени ее за чем-нибудь дергал Ганя. Она решила не напоминать ему о ночном кошмаре – хватало своих – и не задавать вопросов.

Но не тревожиться не получалось. Им обоим приснилось что-то страшное об Иничэне – вряд ли это могло быть простым совпадением. Иногда людям снятся сны, в которых они заново переживают прошлое, и иногда, особенно если болеешь или устал, это прошлое портится, извращается, выглядит страшно. У Аланы достаточно воспоминаний о времени, проведенном с Иничэном, но Ганя ничего такого не хранит, у него есть только ее истории. Возможно ли, что духи предупреждают ее, как Улгэна? Стоит ли прекратить рассказывать об Иничэне? Или...

Алана стиснула пальцы. Ей сильно, до боли захотелось наведаться в их тайное место. Оно было не слишком далеко от запретного стойбища, где осели Черные люди, и потому уже довольно долго она не думала о том, чтобы пойти туда. Но, может, сны на это и намекают? Иничэн наверняка расстроится, когда узнает, что она забросила их маленькое святилище.

Мать сидела на улице, тоже вялая после тревожной ночи, поглаживала забежавшего соседского пса.

– Пойду наберу сон-травы, – сказала ей Алана. – У нас почти закончилась.

– Иди, и ырьяна набери. Только жертву принеси обязательно.

Алана кивнула. После страшной ночи принести духам жертву, определенно, стоило.

Она пошла в кладовую, отлила в мех молока, прихватила полоску оленины. Нашлось даже немного пастилы, подаренной русскими.

Пока Алана копалась в скромных запасах, у нее за спиной слышалось тихое дыхание – Ганя не мог упустить такой момент. Но Алана твердо решила, что пастилы ему не достанется: жертва важнее. «Сделаю вид, что ничего не заметила», – сказала она себе, повернулась – дыхание тут же стихло – и шагнула к выходу. Дыхание возобновилось у нее за спиной. Алана ушла, не обернувшись.

– Ганя в кладовой прячется, – сказала она матери. – Я не стала закрывать.

Мать покачала головой:

– Он с отцом ушел. К стаду.

Алану пробрало холодом.

Она слышала дыхание. Тут невозможно было ошибиться. Слух, отточенный путешествиями по тайге, не мог ее подвести.

Алана вернулась к кладовой. Теперь темнота, обычно мягкая, почти уютная, казалась зловещей. «Может, Ганя просто передумал идти с отцом, – подумала Алана. – Убежал и вернулся».

– Выходи, – сказала она негромко. – Некогда мне. Сейчас закрою дверь.

Тишина.

Ганя никогда не стал бы так рисковать. Остаться одному, в темноте, запертым – никакая пастила и уж тем более никакая шутка не стоили такого риска.

Алана закрыла дверь и прислушалась. Тихо. И впрямь показалось, из-за того, что она мало спала?

Селение притихло: ночная буря и вой всех выбили из колеи. Дети вместо того, чтобы играть в догонялки, сидели по дворам и о чем-то молчали. Взрослые старались не пересекаться друг с другом, каждый торопился остаться в одиночестве, самому полелеять свою тревогу, утихомирить ее, а не раздражать еще и чужими страхами. Собаки, поднявшие бучу, тоже были необычайно тихи, но, возможно, им просто передалось настроение хозяев.

Алана подошла к лесу. Ей вспомнился темный силуэт, который она видела серым утром, и на всякий случай она не стала заходить дальше – присела возле первого же куста, сложила из опавших веток и листьев небольшой костерок, разожгла, как учил ее отец, осторожно раздувая пламя своим дыханием. Когда огонь стал достаточным, Алана положила в

него мясо и пастилу, затем залила все молоком. Дым, поднимавшийся к листьям и небу, был густым и ароматным – значит, жертва принята благосклонно.

На душе у Аланы стало полегче. Она забросала пепел землей и смело шагнула в лес. Он встретил ее прохладой и доверием, словно и не было никаких дурных предзнаменований. Слабо шуршали ветви, змеились тропы, ковер из опавших листьев и игл пружинил под ногами. Ароматы хвои и прелых ягод укрощали тревогу, как умелый ловец – оленя, и слегка пьянили. Черные люди начисто вылетели у Аланы из головы: она просто шла давно знакомой дорогой, прислушиваясь к звукам, которые издавали невидимые обитатели леса, и отдыхала телом и душой.

По пути она остановилась нарвать ырьяна – попалась хорошая полянка. Настой из этой травы помогал при глазных болезнях. Стоило ее тронуть, и она расточала сильный, острый аромат. Мать любила рассказывать историю, как одна девушка со странным именем Сорани отправилась в лес за грибами. Сорани была очень красивой, и злой Харги, хозяин Хэргу буга, хотел непременно ее погубить, потому что все прекрасное, созданное Сэвэки, раздражало его до боли.

Сначала он повелел своим духам вселиться в медведя. Обезумевший зверь бросился на Сорани, но, когда она обернулась, замер, пораженный ее красотой, и духи сразу покинули его тело. Тогда Харги отправил духов в стаю волков, но и из этого ничего не вышло – волки рядом с Сорани повели

себя как домашние псы – стали ластиться к ней. Но Харги не собирался сдаваться и отправил духов в ворона. Ворон выклевал Сорани глаза. Слепая девушка побрела наугад и задела подолом юбки поле с сон-травой. Поднятый аромат вскружил ей голову, она легла и уснула. Ей снился родной дом, и из пустых глазниц текли слезы. Харги довольно посмеивался, но из слез Сорани рядом вырос ырьян. Подул ветер, пахучие стебли наклонились, и от резкого запаха Сорани открыла глаза. Она сорвала траву, растерла ее между пальцами, поплевала, помазала свои глазницы – и прозрела.

Как-то раз Алана пересказала эту историю Настасье и Оле, но те засмеялись: так, мол, не бывает. Алана возразила: все правда, глаза у ее матери иногда болели и гноились, и настой ырьяна всегда помогал. Совсем недавно похожая напасть случилась у Васильевых, вся семья намучилась, пока им не принесли настой. С тех пор русские не упускали случая прикупить полезное лекарство.

Алана почти полностью опустошила полянку и огляделась. Это явно было не то место, где отдыхала Сорани, потому что сон-травы рядом не было и в помине. Но ее как раз найти легче, и Алана спокойно продолжила путь.

Тайное место находилось не очень далеко от деревни, однако добраться туда было непросто, не сунешься специально – не найдешь. Глаз сразу цеплялся за упавшее дерево, перегородившее дорогу, и поле болотной травы за ним. Перебраться при желании можно, но идти туда попросту незачем,

особенно если не хочется увязнуть в болоте.

Алана легко забралась на дерево – старое дупло и ветки служили ступенями – и спустилась с другой стороны. Земля здесь была сырой и мягкой, но на самом деле назвать это место болотом все-таки нельзя. Пройдешь по самому краю – и вовсе ничего не почувствуешь. Алана так и сделала, протиснулась между деревьями, глубоко вздохнула и с удовольствием огляделась.

Это и было их с Иничэном тайное место. Давным-давно здесь вилась тропинка, но потом буря сделала ее неудобной, и здесь почти никто не ходил. Сейчас, из-за Черных людей, и подавно не стоило ждать гостей. Местечко было очень уютным: в рощице рядом со старой тропой круглилось небольшое пространство в форме берлоги, и удачно лежащее бревнышко, на котором приятно сидеть.

Алана опустилась на него, погладила участок земли, присыпанной травой и листьями. Раньше здесь была проплешина, но последний раз Алана приходила сюда осенью. Потом настала зима, по глубоким сугробам было не пробраться. Затем Улгэн рассказал о Черных людях и запретил сюда приближаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.